Ответ антинорманисту от не-норманиста

[Лев Клейн](#)

Ответ антинорманисту от не-норманиста

На новый вызов А. А. Романчука, пространный и тщательно продуманный, вероятно, уважения ради, ожидался бы такой же ответ. Но, к сожалению, время мое ограничено, я занят другими темами, и ответ будет по неизбежности кратким.

Есть и еще один аспект, делающий развернутые возражения в ряде случаев ненужными. Романчук игнорирует то, что мне представляется моим основным достижением в норманнском вопросе: структурирование спора в книге «Спор о варягах». Я собрал все аргументы и контраргументы, выдвигавшиеся в споре, свёл их в систему и отныне легко не только определить значение каждого аргумента для всей дискуссии, но и посмотреть, не опровергнут ли он уже и стоит ли его повторять без учета выдвинутых опровержений и контраргументов. Я не знаю, почему Романчук это игнорирует – то ли делает вид, что забыл в расчете на то, что все забудут, то ли в самом деле забыл и лень справиться. Но дальнейшая дискуссия начинает напоминать рассказывание анекдотов из стандартного списка, когда достаточно назвать номер – и все смеются. Я дальше в скобках буду называть номера своей классификации – смеха скорее всего не будет, эффективности явно нет.

Что касается, ссылок Романчука на серьезность отдельных замечаний Меркулова и Грот, то отдельные замечания могут оказаться дельными у кого угодно, а в целом с его критической оценкой Грот я согласен, с его положительной оценкой сочинений Меркулова – нет. Перейдем к выдвинутым в статье Романчука положениям по главам.

1. **«Никакого норманизма нет и не было»?** Эта фраза вырвана из контекста. Мое истинное положение звучит так: Никакого норманизма в науке нет и не было. Тем более если сводить норманизм, как это делает Романчук, к утверждению «знака равенства между варягами, Русью и скандинавами». И варяги в разное время и в разных источниках означали разные категории людей, и русь означала разный социум в разное время, и Скандинавию очерчивали по-разному. Но если говорить о тех пришельцах, которые в летописи за X — XI века, дошедшей до нас в более поздних списках, именуется варягами, то прибыли они из Скандинавии или из других мест, совпадают ли они с норманнами, это вопрос, который носит не теоретический характер и не может выражаться никаким «-измом», это спор о фактах. Норманизм же никем из так называемых норманистов не постулирован ни сейчас, ни раньше, а сформулирован как обвинение антинорманистами – как жупел, и в этом смысле и виде он существует, но не в науке, а в политической идеологии. Как и «ответный» антинорманизм. Я описал подробно то и другое понятия в своей книге «Спор о варягах» (*СВ положения 1 – 7*) и в последующих статьях.

Романчук заявляет: «То, что многие норманисты, и в том числе Л. С. Клейн, отказываются признавать себя норманистами — извините, никак не может служить аргументом в пользу «отсутствия норманизма». ... Черепки ведь тоже себя не считают относящимися к какой-либо археологической культуре или типу. Это уже мы, в процессе классификации и типологии, их атрибутируем в таком качестве». — Простите, мы всё-таки не черепки. Да и чтобы черепки отнести к некоей культуре или типу, нужно сначала эту культуру или тип выделить и обосновать это. И делается это не произвольно по наличию некоего одного фактика. Таких культур и типов можно было бы навывделять сколько угодно. Вот Вы докажите, что норманизм – не то, что я описывал в «Споре о варягах», а нечто более примитивное, простое признание географического факта. Что это заслуживает выделения под рубрикой теории и под названием -изма, что в науке были ученые, которые это выдвигали, что мы к ним принадлежим. Докажете — тогда и поговорим.

Романчук утверждает: «Да, спор этот, безусловно, политизирован и все более политизируется – но в своей основе это, также безусловно, именно научный спор. Он был научен во времена Ломоносова и Миллера – когда они пытались решать его на уровне науки своего времени». – Это не так. Миллер действительно пытался решать его на уровне и с позиций науки своего времени. А вот Ломоносов прибегал отнюдь не к научным аргументам, а к политическим, утверждая, что если принять выводы Миллера за истину, то будет ущерб для национального достоинства России, ссылаясь на путешествие Андрея Первозванного, чей орден учрежден, и т. д. Таким этот спор и остается в сознании большинства антинорманистов и в массовом сознании.

Романчук хочет придать спору научный характер. Но для этого нужно, прежде всего, избавиться от антинорманистской идеологии, фразеологии и терминологии. А норманистской и так нет.

2. **Германское – не значит обязательно скандинавское.** В нашем контексте это надо так понимать, что к восточным славянам приходили с Балтики германцы, но не скандинавы? Вот уж до чего допекли эти «норманисты», что даже центрально-европейские германцы оказываются лучше, чем скандинавы! Это положение своей концепции Романчук считает развитием положения А. Г. Кузьмина, которое тот повторял неоднократно, но тщетно («так и не был услышан»). Естественно, потому что оно, на первый взгляд, уничтожало смысл «антинорманизма». Положение это

гласит «Русь первоначально всюду была неславянской». А Романчук к своей формуле добавляет «И уж совершенно точно это центральное положение моей концепции».

Но, если копнуть поглубже, то приоткрывается причина спокойного отношения к «германскому». Тот и другой считали, что население Южной Балтики в раннем средневековье было «результатом славянизации народов между германцами и кельтами». Балтийские славяне у них всё же не германцы, да и фризы оказываются только поверхностно германцами, а так они были *по субстрату* не германцами и даже не кельтами, а кем-то третьим. И конечно, что до славян, то тут население субстрата славянизировано.

Обозначение «народы между германцами и кельтами» принадлежит Рольфу Гахману. В 1960-е годы он так обозначил археологические культуры нынешней Бельгии и Голландии, которые не принадлежали ни культуре галлов, ни культуре ясторфской, и он предположил, что германцами (это не самоназвание, так восточных соседей галлов назвал Юлий Цезарь) первоначально называла себя именно эта третья группа народов. Таким образом, «народы между германцами и кельтами» — это германцы, которые не-германцы (самоназвание – германцы, но не германоязычные). Как эта археологическая культура переместилась с берегов Северного моря на берег Балтики, остается секретом Романчука. Англы и саксы шли в противоположном направлении – на запад, в Англию. И были германцами.

Как ныне показывают исследования генетиков, древние субстраты действительно играют большую роль в европейском этногенезе, но они охватывают обычно гораздо более обширные ареалы.

3. Западногерманские влияния и южнобалтийская Система Приоритетного Взаимодействия. Вся эта глава посвящена ответу на мой вопрос, заданный в моем разборе предшествующей статьи Романчука. Я спрашивал:

«Когда сходство с Данией и всё сходится на районе Хёдебю, откуда Рорик родом, почему Романчуку приходят на ум фризы или славяне Юго-Запада Балтики? По-моему, можно сказать, что эти данные противоречат происхождению Рюрика из Швеции и ложатся на чашу весов ютландского (из данов) происхождения Рюрика — так их и восприняли Лебедев и Михайлов. И А. А. Романчук напрасно подсуетился с западными славянами» (Клейн 2014: 339)».

В своем очень пространном ответе Романчук обращает внимание на систему взаимодействия западных германцев – алеманов, франков, тюрингов, фризов — с Южной Ютландией, с Хёдебю, которую он называет Приоритетной, на роль англо-фризов, даже на предполагаемую связь фризов с прусами. Да, фризы в этом взаимодействии участвовали, но это всё же германцы, а роль балтийских славян по-прежнему остается невыявленной. Романчук вызвался доказать место западных славян в этногенезе Балтики (а с ней и Восточной Европы), а доказывает место западных германцев.

Романчук подчеркивает, что западные германцы гораздо больше взаимодействовали с Южной Ютландией, чем викинги Швеции и Норвегии, хотя роль викингов Северной Ютландии здесь просто не показана, а культура Хёдебю всё-таки в принципе близка к культуре Бирки.

4. Объяснения *ad hoc* в современном норманизме и их критические противоречия. Объяснения *ad hoc* – это объяснения по случаю, пригодные только для объяснения данного случая и ни для чего больше. Этого Романчук на деле не обнаружил, хотя и рассуждает о них. На деле он обвиняет меня в использовании двойной морали – когда надо гипотеза толкуется так, когда другая надобность – иначе. На деле и этого нет. Так что я опущу эту методическую тему, чтобы не тратить времени. Приступлю сразу к делу.

В этой главе Романчук предьявляет свое толкование трех положений. Первое – о происхождении названия Русь. Он заявляет: «краеугольным камнем норманистской гипотезы является предположение о происхождении этнонима *русь* из финского обозначения шведов – *руотси*. И, соответственно, решающей роли именно шведских викингов в становлении древнерусского государства» (СВ полож. 3, доказ. 8, см. возраж. норм.1 — 7). Я уже не раз отмечал, что это в положениях тех, кого именуют «норманистами», вовсе не имеет такого основополагающего значения. Даже в изображении антинорманистов есть спокойное отношение к этому пункту. Этнонимы имеют самое разное происхождение, и от этого ничего не зависит. Этноним французов происходит от названия германцев франков – ничего, носят, даже гордятся. Пока лучшего выведения термина, чем из финского, не предьявлено, и точка.

Второе положение касается того, что саги не знают Рюрика (СВ полож. 1, ~ возраж. антинорм. 3; полож. 2, возраж. антинорм. 3, 5). Но они, возразил я, и Рорика Ютландского не знают. Романчук говорит, что это только поддерживает его возражение. Как же поддерживает, когда Рорика, более близкого и прославленного деяниями полководца, не знают! Их знание было очень выборочным.

Третье положение относится к количественной доле норманнов на Руси (СВ полож. 1, доказ. 4, возраж. антинорм. 6 – 8, анализ «Взвесим...»). Я разоблачил заядлых антинорманистов, которые включали в базу отсчета неопределенные погребения, сильно преуменьшая долю норманнов. Романчук основывает свои возражения на том, что неопределенные погребения – это костяки без сопровождающего инвентаря, значит, отсеив их, мы убираем славян-бедняков, а норманны-викинги бедняками не

были. По-моему, он не понял, что за вывод он сделал. Он-то считал, что тем самым увеличил количество славян. Но на самом деле ведь это значит, что среди оставшихся *состоятельных* доля норманнов и должна быть выше той, которую указывали антинорманисты. Я и не утверждал, что норманнов больше среди *всего* населения Восточной Европы.

Романчук спрашивает, почему при таком засилии среди знати норманны не навязали славянскому населению свой язык и своих богов? (СВ полож. 4, возраж. антинорм. 4). По той же причине, по которой это не сделали они в Нормандии и в Англии, где их власть была даже более сильной (я это приводил неоднократно).

5. Южнобалтийская керамика в новгород-псковских землях и варяги. В этой главе Романчук стремится подтвердить, что вклад западнославянской керамики в псковско-новгородский комплекс можно связать с прибытием варягов, а, следовательно, варяги – западные славяне, хоть и с германскими (или околгерманскими) корнями. В своей классификации аргументов спора я поздно и недостаточно уделил внимание западнославянской гипотезе (СВ полож. 2, *контрположение и доказ. антинорм.*), не считая ее тогда серьезным противником. В случае переиздания книги придется этот вопрос разработать подробнее.

Разбирая значение западной (из немецких земель) керамики, Романчук всячески подчеркивает, что очагом происхождения керамики считает не узко Вагрию, а широко Юго-Запад Балтики, включая пол-Германии, хотя это как раз играет против его выводов об этносе варягов. Главное же – это тот факт, что керамика, о которой речь – кружальная, гончарная, то есть ремесленная, а не домашняя. В Новгород и Псков прибывали гончары, спасавшиеся от германского давления с запада. По Романчуку, «то, что она гончарная, — в данном случае ничего не меняет, потому что речь идет именно о местном, в Новгороде, Пскове и ряде других центров, производстве этой керамики, то есть как признает и сам Л. С. Клейн, переселении людей, мастеров». По Романчуку это было 10 – 11% всего керамического ансамбля, а с гончарами несомненно переселялись и другие мастера. «Как же варяги здесь не при чем?»

Прошу прощения, но варяги, по всем источникам, не были мастерами-ремесленниками. Их специализация совершенно иная. Более того, везде, где они появлялись, даже мечи они приносили с собой франкские, а уж керамику свою никуда не привозили точно. Пользовались местной. Если хотите доказать переселение варягов из южнобалтийских земель, покажите самих варягов, а не тех гончаров, которых они якобы тащили с собой.

Каким образом мекленбургская генеалогия, зафиксированная, по Меркулову, с XIV века и восходящая к Никлоту и Прибыславу, ободритским князьям и вагрийским королям, привязывает варягов к Вагрии, я не могу уразуметь.

6. Варины, варязи и варяги: к происхождению термина «варяг». Происхождение термина «варяг» в русских летописях позднее, это несомненно, и несомненно также, что термин возник от германского «*vægr*» ‘клятва’ для обозначения наемников в византийском войске (СВ полож. 2, *доказ. б*), вопрос только — где возник. По Мельниковой – на Руси, что вызывает ряд недоумений. Романчук, используя эти недоумения и собрав множество лингвистических фактов (вторая палатализация, третья палатализация и т. д.), выдвинул гипотезу о раннем происхождении термина, причем в западногерманских землях. Только тогда непонятно, какое отношение он имеет к византийскому императору и к балтийским славянам.

К тому же расшатывая гипотезу Мельниковой и набирая очки для выигрыша своей версии, Романчук доказал больше, чем нужно было. Он представил такое обилие звуковых вариантов этнонимов, что стало ясно: при таком обилии вариантов можно доказать всё, что угодно. Никакого ограничения, никакой определенности в этом вопросе нет.

7. Индоевропейское *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)* – ‘красный’, и происхождение этнонима *русь*. Завершает свои рассуждения Романчук разбором происхождения этнонима «Русь» «в силу его важности». Он не может согласиться с моим утверждением, что «для решения спора о варягах вопрос о происхождении термина «Русь» маловажен (относится у меня к 3-й ступени в рекомой «лестнице норманизма», и см. «Взвесим...»), а «для решения вопроса о происхождении термина “Русь” этимология термина не имеет ни малейшего значения» (Клейн 2014: 341). Романчук негодует: «“шведское” его происхождение – ключевой камень в здании норманистской (sic! — даже не норманнской! – Л.К.) гипотезы». «Шведское» происхождение – не этимология.

Далее идет развитие гипотезы об этимологии термина от индоевропейского корня, в разных вариантах означавшего красный цвет (СВ полож. 3, *доказ. антинорм. 4*). Это представлено как развитие новейшей гипотезы К. А. Максимовича, хотя у меня приведены его давние предшественники).

Романчук при этом заявляет: «Насколько я прав в своих предложениях – судить, опять-таки, другим. Но в основе этих суждений очевидно должна лежать аргументация. Аргументация, учитывающая всю совокупность моих аргументов и решений в этом вопросе». И далее следует – что? Перечень возможных праформ этнонима «Русь» на взгляд Романчука. Аргументации – никакой. Романчук цитирует самого себя: «этнонимы *руги, рутень, русь* могли возникнуть как различные формы одного общего этнонима, восходящего к и.-е. группе *rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)* с основным значением ‘красный’» (Романчук 2013: 294). Могли возникнуть... А могли и не возникнуть.

Заключение. Тут Романчук выдвигает дельное предложение: «цивилизовать» эту дискуссию, систематически вводить ее в научные рамки. И добиваться (терпеливо и последовательно) того, чтобы стороны не игнорировали аргументы друг друга, не «замалчивали» их — с упорством, достойным лучшего применения, «не устаивая их даже опровержения, даже простой цитаты» (В. О. Ключевский). И, вступая в дискуссию — отвечали по существу».

Но именно это я и стремился сделать, структурируя спор о норманнах, сводя в систему аргументы, строя систему. Жаль, что Романчук повторяет многие аргументы, на которые уже отвечено — делает выпады, которые отбиты заведомо. А чтобы отвечали по существу, нужно это существо иметь. В других работах Романчука, хотя и спорных, оно есть.